

обстоятельствах. Погрузиться в это время и обстоятельства, понять намерения автора читателю поможет интересное и обстоятельное послесловие В.Н. Морозова, которое так и называется – «Фридрих Гундольф и его “Парацельс”», правда, читать его, наверное, все-таки лучше перед, а не после прочтения книги. Но это уже решать самому читателю.

А что касается Парацельса, то иногда кажется, что старый алхимик опять всех перехитрил. Спокойно и несколько иронично взирает он на многочисленные труды исследователей, награждая время от времени кого-то из них крепким словом, в применении которых он, как говорят, не стеснялся, за что и получил от своих современников прозвище «Какофраст». Скорее всего, к Фридриху Гундольфу это не относится, книга ведь получилась интересная.

Ю.Ф. Родиченков

Рецензия на: *Носачев П.Г. «Отреченное знание». Изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 336 с.*

Выход монографии П.Г. Носачева, несомненно, стал одним из наиболее заметных событий 2015 года в плане появления новых оригинальных отечественных монографий, посвященных академическому изучению эзотеризма. Работа развивает тему, давно показавшую свою актуальность и неоднократно поднимавшуюся на конференциях и в журнальных публикациях¹. Тем не менее, до последнего времени на русском языке не было представлено столь обстоятельной работы, посвященной этому вопросу.

Автор выделяет четыре подхода к академическому изучению эзотеризма: «мистоцентрический» подход, подход «критического рационализма», а также «ноевропейский» и «американский» подходы. Два из них («мистоцентризм» и «критический рационализм»), как следует из контекста, можно рассматривать

¹ См.: Панин С.А. Дискуссии о методологии исследования эзотеризма в работах европейских и североамериканских авторов // Религиоведческие исследования. – 2014. №1-2 (9-10). – С. 60-73. Панин С.А. Инсайдер как исследователь в академическом изучении западного эзотеризма // Пути гнозиса: мистико-эзотерические традиции и гностическое мировоззрение от древности до наших дней. – СПб: РХГА, 2014. – С. 209-218.

как в какой-то мере устаревшие, в то время как два других («новоевропейский» и «американский») являются, напротив, вполне современными. Каждому из названных подходов посвящена одна из четырех глав монографии, в которых автор рассматривает по три представителя каждого из обозначенных подходов: к «мистоцентрическому» подходу автор относит К.Г. Юнга и Г. Шолема, и М. Элиаде, творчество которого рассматривается в контексте «интегрального традиционализма», к «критическому рационализму» – Ф. Йейтс, У. Эко и Дж. Уэбба, к «новоевропейскому» подходу – А. Февра, В. Ханegraафа и К. фон Штукрада, наконец, к «американскому» – А. Верслуиса, Дж. Крайпла и И. Кулиану. В целом, работа производит весьма благоприятное впечатление обстоятельным подходом к материалу и, несомненно, является полезной в плане знакомства читателя с многообразием зарубежных подходов к академическому изучению эзотеризма. Учитывая, что некоторые из рассматриваемых автором исследователей эзотеризма, в т.ч., Дж. Крайпл и И. Кулиану, до сих пор относительно слабо известны в России, появление монографии, в которой анализу творчества этих весьма интересных авторов посвящены отдельные главы, вне всякого сомнения, следует считать важным шагом в развитии академического исследования эзотеризма в русскоязычном научном пространстве.

Несмотря на несомненные достоинства, нельзя не отметить, что работа содержит ряд весьма проблематичных моментов. Прежде всего, вызывает вопросы сам термин «маргинальная религиозность», который выносится автором в заглавие работы и в дальнейшем используется для обозначения западного эзотеризма. Понятие «маргинальный» традиционно определяется как второстепенный, не имеющий существенного значения или несовместимый с культурными традициями общества. Ни одно из этих значений не подходит для корректного определения природы западного эзотеризма. Его значение в западной культуре весьма велико: он и является той составляющей частью культуры, которая нередко оказывалась в центре, а вовсе не на периферии исторических событий. Более того, он не только вполне совместим с культурными и этическими традициями западного общества,

но и, фактически, во многих отношениях сформировал их. Таким образом, термин «маргинальная религиозность» оказывается весьма проблематичным.

Справедливо радиотметим, что автор вполне осознает проблему и включает во введение развернутое пояснение относительно того, что он вкладывает в понятие маргинальной религиозности (с. 6-8). В том числе, автор специально оговаривает, что «маргинальная религиозность здесь не должна пониматься как социологическая категория», т.к. «выразители такой религиозности зачастую не принадлежали к раскольникам и сектантам, напротив, они могли быть частью культурной, религиозной и политической элиты общества» (с. 7). Получается, что «маргинальная религиозность», о которой пишет автор, была вроде как не совсем маргинальной. Более того, продолжая изложение, автор вполне справедливо указывает, что область, о которую пишут исследователи, о которых говорится в работе, в Новое время «начинает представлять собой третью сферу человеческого бытия, отличную от религии и науки» (с. 7). Но, если это действительно так (а с этим вполне можно согласиться), выходит, что «маргинальная религиозность» не только не вполне маргинальна, но и не вполне религиозна, так что вводимый термин скорее может окончательно запутать читателя, чем что-то прояснить.

На фоне этого выглядит сомнительным аргумент о том, что новый термин вводится «для того, чтобы методологически обозначить сферу исследования героев данной книги, не пользуясь при этом их терминологией» (с. 6). В конце концов, если для этой цели мы называем «маргинальной религиозностью» то, что, как признает даже сам автор, является не очень маргинальной и не совсем религиозностью, то чем это лучше, чем назвать ее, например, «фиолетовым кракозябром»? Во-первых, таким образом удалось бы отлично дистанцироваться от исследуемых концепций, а во-вторых, удалось бы избежать стигматизации и ошибочного понимания природы западного эзотеризма, которая может иметь место, когда мы называем его «маргинальной религиозностью».

Более того, декларируемое автором на с. 6 желание дистанцироваться от исследуемых в книге подходов и установка на то, чтобы

изучать, но не транслировать ни один из них, плохо сочетается с тем, что на с. 7 автор, отстаивая идею маргинальности западного эзотеризма, воспроизводит аргументы Воутера Ханеграафа, подходу которого не только симпатизирует, но и использует его термины (наиболее ярким примером, пожалуй, можно считать словосочетание «отреченное знание», вынесенное в заглавие работы). Более того, несмотря на декларируемый на с. 6 отказ от использования терминов какого-либо из существующих подходов, на с. 8 автор оправдывает применение термина «маргинальная религиозность» именно тем, что «во многом следует целому ряду ученых, в той или иной степени оформивших названную идею», включая У. Эко, Дж. Уэбба, В. Ханеграафа. Хотя в том же самом месте автор, очевидно, понимая существующую проблему, оговаривает, что перечисленные исследователи «никогда не делали это словосочетание маркером, под которым проходило их исследование», очевидно, что автор симпатизирует более-менее определенной линии исследователей, которую сам же и конструирует в своей работе и которая, на его взгляд, представляет собой наиболее адекватное воплощение идеалов объективного изучения «маргинальной религиозности».

Поэтому, хотел того автор или нет, рецензируемая монография все равно получилась, по преимуществу, историей «изнутри» определенного подхода, в которой читателю приходится периодически самостоятельно делать поправку на имплицитные установки автора. В итоге работа получилась хорошим, добротным исследованием, но могла бы быть еще лучше, если бы автор был готов честно отказаться от претензий на собственную «внешнюю позицию» (последовательно занимать которую в данном случае едва ли возможно) и написать историю исследований в этой области с позиций четко обозначенного подхода.

Говоря о более частных моментах, являющимися дискуссионными в данной работе, можно отметить выделение в различные подходы британских и американских авторов, что представляется нам не совсем оправданным. Так, Ф. Йейтс, относимая автором к «критическому рационализму» в своем подходе использовала идеи американского исследователя Л. Торндайка, что сама прямо указывала в предисловии к книге «Джордано Бруно и герметическая

традиция», а современные американские авторы (которых, судя по всему, в терминологии автора следует относить к «американскому подходу»), в свою очередь, охотно опираются на Ф. Йейтс (в отличие от своих коллег из континентальной части Европы, где работы Йейтс многими считаются «устаревшими»). Подобные случаи позволяют говорить о том, что англоязычные страны имеет смысл рассматривать как некое относительно единое интеллектуальное пространство в противоположность континентальной Европе, где, действительно, академическое сообщество отличается своими весьма характерными особенностями. Впрочем, справедливости ради, стоит сказать, что указанная проблема достаточно сложна и не имеет простого и однозначного решения, а анализ работ конкретных авторов зачастую требует индивидуального подхода с учетом их биографии, того, какое образование они получили, в каких научных объединениях участвовали, с какими исследователями наиболее тесно сотрудничали и т.д.

Подводя итоги, следует сказать, что, несмотря на все указанные замечания, работа П.Г. Носачева представляет собой в высшей мере интересное, оригинальное исследование, которое, вне всякого сомнения, обязательно должно занять свое место на книжной полке любого специалиста по академическому изучению эзотеризма. Хотя с автором работы далеко не во всем можно согласиться, то, что книга заставляет читателя задуматься и порождает дискуссию, является ее достоинством и свидетельствует об актуальности поднятой темы. Остается надеяться, что дискуссия по проблемам, которым посвящена работа, будет продолжена на конференциях, круглых столах, в научных статьях и будет способствовать более глубокому пониманию истории академического изучения западного эзотеризма.

С.А. Панин

Рецензия на: *Першин Ю.Ю., Ахмадишина В.И. Архаическое сознание и религиозность человека: очерки по археологии религии.* Омск: Социокосмос, 2012. 469 с.

Поскольку археология является динамично развивающейся дисциплиной, привлекающей в исследования древнего мира массу других наук, работы в этой сфере имеют свойство сравнительно